

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е.Б. БЕСОЛОВОЙ
«ЯЗЫК И ОБРЯД. ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
ОСЕТИН В АСПЕКТЕ ЕЕ ТЕКСТУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНОГО
ВЫРАЖЕНИЯ». ВЛАДИКАВКАЗ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с. с илл.

С. А. АРУТЮНОВ,
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН

Предметом непосредственного рассмотрения в монографии Е.Б. Бесоловой является, как это видно уже из названия, тот аспект указанной темы, который предполагает реконструкцию и системное осмысление народной культуры в наиболее устойчивом, почти замкнутом её сегменте, связанном с ритуальной обрядностью. Выполнена она в рамках одной из традиционных, но вместе с тем, неизменно актуальных на протяжении последних двух столетий тем – роли языка, языковых структур и форм в становлении, выражении и закреплении ценностей, констант и прояв-

ний духовной культуры народа. Опорным материалом для исследования служат в книге не только ритуальная лексика, но также и соответствующие типы синтаксических конструкций, привлекаемые в сопоставительном плане, малые осетинские фольклорные жанры – пословицы, поговорки, разного рода фразеологические клише, загадки, плачи, проклятия, пожелания, термины народного языка, межъязыковые историко-этимологические параллели и т.д. Всё это составляет необходимую фактическую базу книги, позволяющей её автору реконструировать и достаточно убедитель-

но представить общую концептуально-ментальную и аксиологическую картину погребально-поминальной обрядности осетин на большой исторической протяжённости.

Для осетинской культуры, вообще, характерно, что тем зеркалом, в котором отражается и фокусируется их духовность, их мировосприятие и мировоззрение, то есть духовная культура и ментальность, в целом, является именно их похоронно-поминальная обрядность, а точнее, их отношение к иному миру, миру предков. В этом смысле, можно сказать, что, рассматривая комплексно похоронно-поминальную обрядность, мы охватываем преобладающую долю всей духовной культуры осетин.

Это вовсе не означает какой-то некрофильной направленности осетинской культуры. Напротив, эта культура очень жизнерадостная, позитивная, направленная на созидание, активная культура, как и культура горских народов, вообще, горских народов Кавказа, в особенности. Специфика условий их жизни формировала высокую активность, переходящую порой в определённую агрессивность культуры. Никакой заострённости на эсхатологических проблемах, на проблемах исключительной жизни на том свете при игнорировании и пренебрежительном отношении к нуждам современной жизни, что, между прочим, характерно для классического христианства, у осетин нет. Само христианство их, будучи густо замешано на языческой подоснове, носит не столько эсхатологический, сколько – именно активно жизнеутверждающий характер. В чём же тогда дело? Почему столь важна для понимания духовной культуры, в целом, именно похоронно-поминальная культура? Мне кажется, дело вот

в чём. Осетины – потомки алан, через алан – сарматов и скифов, народов с давними кочевыми традициями. Это отличает их от большинства других народов Кавказа, собственно кавказских по языковой принадлежности народов, для которых была характерна стабильная, заякоренная жизнь в своих ущельях, на своём микроландшафте. В этом, в частности, отличие осетин от ингушей. Эти народы, в общем, весьма близки по культуре. Но для ингушей, и этим как раз объясняется то взаимонепонимание, та конфронтация, которую мы, к сожалению, встречаем между осетинами и ингушами в последнее время, очень важно жить именно там, где находятся могилы их предков, а не в каком-либо другом месте. Для осетин же очень важно, чтобы покойник был похоронен на родовом кладбище, в родовом склепе.

В общем и целом можно считать, что из всех обрядов в осетинской духовной культуре важнее всего обряды перехода, а среди них именно похоронно-поминальные обряды, в которых, повторяю, как в зеркале, фокусируются основные черты осетинской ментальности и, соответственно, вербального и поведенческого выражения этой ментальности.

Однако жить осетины могут в самых разных местах, весьма далеко от места своего рождения и от могил своих предков. Уже в конце XIX века мы знаем примеры исключительной мобильности осетин, как на Кавказе, так и далеко за пределами Кавказа. И этим они сильно отличаются от гораздо более привязанных и неохотно покидающих жилище, обжитые, насиженные места других кавказских горцев. В этом, по-моему, проявляется их аланское кочевническое наследие,

их менталитет высокой подвижности. Но именно в условиях привычки к высокой подвижности становится чрезвычайно важным соблюдение культа предков. Именно в тщательном соблюдении культа предков, памяти об этих предках, в понимании неразрывности жизни ушедших предков и жизни ныне живущего поколения, в понимании их взаимного воздействия друг на друга следует искать механизм высокой культурной преемственности, который позволяет этносу, обществу оставаться самим собой вне зависимости от больших территориальных подвижек. Если угодно, именно в этом, в частности, очень ярко проявляется у осетин их аланское наследие. Поэтому, предпринятая автором попытка истолковать моменты похоронно-поминальной обрядности, выявить ключевые стороны осетинской духовной культуры представляется мне вполне правомерной.

В целом, работа Елены Бутусовны Бесоловой является существенным вкладом в науку. Это фундаментальное исследование, успешно демонстрирующее, как основные черты осетинской ментальности, мировоззрения, общей духовной культуры, как в зеркале, отражаются в погребально-поминальной обрядности. Похоронно-поминальная обрядность, все её отдельные этапы и варианты, а также связанные с этими вариантами и этапами лексические и текстовые особенности очень детально разобраны автором. В книге мы находим анализ общих религиозных положений, кладбищенских норм, на основании разбора этих норм – общее понимание категорий пространства и числа в осетинской культуре и многие другие, специфичные для осетинской духовной культуры, положения. Это очень

важный анализ, помогающий нам по-новому взглянуть на осетинскую духовную культуру и на осетинский язык, в частности, на конкретную обрядовую лексику как один из основных выразителей этой духовной культуры.

Монография состоит из трёх частей. В первой части рассматривается обрядовый текст, особенности его построения и категории, структура и терминология. Во второй части сказано об основных чертах и категориях осетинской духовной культуры, так, как они проявлены в похоронно-поминальной обрядности. Третья часть специально посвящена плачам. Само по себе это особое, фольклорно-филологическое исследование, имеющее самостоятельную ценность, также являющееся крупным научным вкладом, если учесть, что в отечественной науке обрядовый фольклор долгое время замалчивался по известным причинам. Этот фактор, а также сложность и синкретизм самого жанра не вызвали энтузиазма и желания исследователей глубоко изучить природу этого явления, поэтому монография Е.Б.Бесоловой вызывает большой интерес.

В частности, мне очень импонирует расслоение автором лексического массива на такие структурные компоненты, как ключевые лексемы, лексемы мотива, термины и символы. Особое место занимает такой фольклорный жанр как проклятие, чрезвычайно многообразный, как бы «плач наоборот». И вместо плача, обращённого в прошлое с сожалением о бедах, о несчастьях, постигших покойника и его семью, это нечто вроде плача, обращённого в будущее, то есть пожелание своим неприятелям всевозможных бед, несчастий или, в конечном счёте,

гибели и полного уничтожения или ничтожества. Разнообразные формы проклятий, их широкое распространение в осетинской и вообще в кавказской фольклорной культуре, как мне представляется, являются своеобразным балансом, уравнивающим широкую распространённость и важную фольклорную значимость поминальных плачей. Это как бы две стороны одной медали, которые, пожалуй, не могли бы существовать одна без другой. Кроме того, нужно иметь в виду скудость существования горцев, ту бережливость, ту ревность, с которой горец относился и к своему крошечному земельному наделу, и к своему, как правило, достаточно бедному и скудному набору имущества и к другим основам его жизнеобеспечения. В этой ситуации малейшая агрес-

сия, малейший ущерб, реальный или мнимый, который эти основы жизнеобеспечения могли понести, вызывал очень эмоциональный интенсивный и агрессивный отпор.

Большой интерес вызывают также предпринятые Е.Б. Бесоловой рассмотрение вертикального и горизонтального структурирования мирового пространства, пространственно-временной континуум этого структурирования, сопоставление погребений и погребальных обрядов с реалиями и данными нартовского эпоса. Особый интерес представляет новое осмысление троичного членения Нартов как имеющего связь с трёхчленным делением мироздания, приходящим на смену его первоначальному, пятичленному, делению как более архаичному.